

О книге прозы Сергея Шаргунова “Свои”

Встреча с Катаевым не прошла бесследно. Сергей Шаргунов, написавший биографию Валентина Катаева, поддался странному, но безусловному обаянию автора “Алмазного венца”. Его новая книга “Свои” во многом написана под знаком поздней прозы Катаева, – отличный метромом!

Особенно хороша повесть о предках автора. Калейдоскоп интересных фигур из русской истории – от бояр времен Годунова, подымавших Углич за пролитую кровь царевича Дмитрия и сосланных в Орел, до мятежных дворян 19-го века, друживших с Маркомсом и шедших в Сибирь, и до бунтовщиков новейшего времени. Они не только французской булкой хрустели.

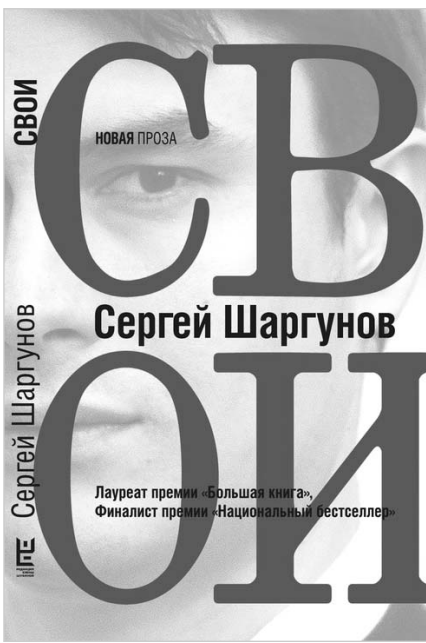
Шаргунов отвергает сословное чванство новоявленных графов, презирающих “быдло”. Предки рассказчики – дворяне – были революционерами и любили Россию и её народ, и потомок от них не отстал.

Вот Владимир Русанов, участник Рабочего Союза, испытал тюрьму и ссылку, учился в Сорбонне, затем вернулся на родину и стал полярником. Исследователь Севера, пересекший Новую Землю пешком и сгинувший в тундре вместе со своей женой-французенкой, этот прадед рассказчика – один из образов в его жизни.

Николай Русанов дружил с Тургеневым и встречался с Энгельсом, а за-

тем с Лениным и Плехановым. Талантливый журналист, он остался в эмиграции в Европе. А другие герои и предки участвовали в революции и в гражданской войне с обеих сторон – были и красные, были и белые, и за царя, и за советскую власть.

В советские годы среди предков героя-рассказчика были и писатели, и поэты, и оперные певцы, и отчаянные вояки, как внук индианки с Аляски Борис Левин, любивший войну и погибший на Финской.

Сергей Герасимов, актер, режиссер, поставивший “Тихий Дон”, – Наверное, самый знаменитый из упомянутых в книге, а может, Анастасия Цветаева, страдавшая не меньше своей сестры-поэтессы.

Завидовать не приходится даже

Род мятежный

Израэль ШАМИР

этой русской советской знати – они знали и обыски, и аресты, и страх смерти, и годы лишений. Хотя они родились с серебряной ложечкой во рту, эта ложечка не раз исчезала, хоть и возвращалась, – таков лейтмотив повести.

А со стороны отца – крестьянская русская семья, которая породила странный плод, отца автора. Поэт и переводчик – неутомимый Гуггл нашел несколько его переводов, благодаря странному имени Винцент Шаргунов – тоже был мятежником и неслухом, настало, что в советские годы стал священником и преподавателем Духовной гимназии.

Наш герой появляется на перекрещении этих двух орбит – русской советской художественной элиты и крестьянского сына, принявшего духовный сан. Все эти разнообразнейшие люди описаны несколькими мазками, сжато и впечатляюще, так что возникает одна картина – России нашего времени.

Мятежный род – не заданная объективная реальность, не навязанный обстоятельствами факт биографии.

Мог писатель по-другому поставить акценты, всё повернуть наооборот, и представить свой род образом верности и покорности власти. Мог подчеркнуть большевиков, мог выделить охранителей, мог усилить военное служение. Хотя факты – казались бы,

факты и от нас не зависят, писатель создает свою вселенную отбором фактов. Видимо, не случайно депутат Госдумы Сергей Шаргунов представляет коммунистов – а не, скажем, ЕдРо, – но коммунистов нового поколения, примирившихся со своими белыми предками.

Поклоению Шаргунова достались интересные годы. Им было по десять лет, когда рухнул Советский Союз, они выросли в девяностые, вступили в путинскую эпоху в двадцать лет. Его успел благословить священник Мень, он встречал генерала Льва Рохлина, Щекочихин звал его в Рязань, Талковых пел – все они погибли, как и многие другие герои книги.

Это были годы интересные, но не простые.

В своем предыдущем романе “1993” Шаргунов выводит роковой девяносто третий, год расстрела парламента и установления диктатуры Ельцина, год, который он лично застал ребенком, и перекидывает мостик к Болотной, когда ему было около тридцати.

В “Своих” мы узнаем, что в 1993 отец автора порвал со своим преж-

отверженным”.

Вера в чудо – отличительная черта новой книги Шаргунова. Героев посещаю видения, чудесным образом нходясь и пропадая предметы, чудесные спасения приходят им не раз. Его чудеса – не фантастический реализм, к которому мы привыкли, но жизнь на краю духовного мира, который не только граничит с обычным, материальным, но и тесно переплетается с ним.

Недаром он рос в священнической семье!

Одна из трогательных миниатюр – детство поповича, в компании других поповских сыновей и дочек, лепят снежки и пуляют в снежных баб – и друг в друга. И хотя Сергей Шаргунов рос на стыке артистического интеллигенции и зарождающегося священничества, он видит своих товарищей по играм на точно отмеренной дистанции – не слишком далеко, не слишком близко, а прямо в меру.

Замечательны и немногие страницы, посвященные жене и сыну – редкий писатель отважится допустить читателя прямо в свой интимный мир,

но и тут чувство меры не покидает рассказчика.

В сборнике – несколько рассказов из жизни наших современников. Вот ветеран, из последних сил караулящий заброшенный аэродром в тайге. Все ушли, проходимцы хотят и эту поосу бетона захватить, но он ее удерживает и чистит от снега, хотя – кому это, казалось бы, нужно? И тут приходит шаргуновское чудо – самолет с отказавшими двигателями идет на вынужденную посадку и спасается благодаря этой уцелевшей полосе и благодаря подвигу ее последнего охранителя.

Замыкает книгу рассказ о последних днях Катаева, героя предыдущей книги Шаргунова. Великому русскому писателю было нелегко – после публикации своих замечательных мемуарных книг на него ополчились многие из числа прежних друзей. Это короткий скетч как бы суммирует биографию Катаева – в нем есть и его воспоминания о бурной молодости, и встречи с давно утраченными друзьями и подругами, и долгая старость, когда каждый день в дневнике прибавляется одно слово: “Живу”.

Талант Шаргунова – несомненный, хоть и неброский, убеждает нас в том, что автор – очень хороший человек.

Возможно, слишком хороший, чтобы стать большим писателем, потому что большие писатели редко бывают хорошими людьми. Но писателей много, а хороших людей мало, так что человечество по большому счету выигрывает.

О повести Ильи Горячева “Волонтер”

Когда мой друг Олег Валецкий обратился с просьбой прочитать и подготовить рецензию на книгу его друга, я встретил предложение без энтузиазма. Сколько приходится читать произведений не потому, что у самого возникает такое желание, а писать отклики не по причине собственной потребности высказаться, а потому что просят, и не можешь в том отказать – никто даже представить себе не может. И если произведение друга-приятеля необходимо хотя бы просмотреть – из чувства товарищества, корпоративной солидарности, ревнивого любопытства, в конце концов, то ходатайство за третьих лиц как-то не вдохновляет вовсе.

Когда-то мне нравились призывы Festina lente – “Поспешай медленно”, однако с возрастом позолота на этой броской фразе заметно поблела и облупилась, обратившись в легковесную мишуру. Сейчас мне хочется поспешать, но заниматься при этом тем, чем хочется самому.

И читать мне хочется то, что самому интересно, а не то, что предлагать-навязывают другие, пусть и весьма уважаемые люди!

Однако ж, как учили древние, noblesse oblige – положение обязывает. Дружба предполагает претерпеть какие-то неудобства ради человека, с которым ты повязан её узами.

И вот встретился я в метро с представительницей автора, которая и передала мне два экземпляра книги Ильи Горячева “Тьма кромешная” с претенциозным подзаголовком “Опыт прозы приговоренного к пожизненному заключению”. Да ещё с предисловием самого Эдуарда Лимонова...

Начал я читать буквально тут же – в вагоне “подземки”... Ехать-то – путь неблизкий, даже по московским меркам... Сначала читал, потом начал перелистывать страницы...

И постепенно вызревал вопрос: друг мой Олег, ходатайствовавший за книгу, а ты сам читал то, что предложил мне?.. И до какого-то момента пребывал в уверенности, что ответ на него получил бы отрицательный.

Именно до какого-то момента. Потому что понял: вот этот текст Олег читал несомненно.

Меня по-настоящему пронзила только одна работа в сборнике – и располагается она в середине томика. В принципе, мог и не дотянуть – честно скажу: добрался до неё только из добросовестности... Однако ж разве это мало?... Сколько я прочитал плодов творчества, после которых вообще ничего не осталось – ни в голове, ни в душе! А здесь – полсотни страниц истинного произведения, прочитав которые хочется вернуться к ним, подумать о них, поделиться с кем-то...

На мой взгляд, высший балл книге – когда прочитавший её советует прочитать и другому. Согласны? – Что я и делаю. Одну небольшую повесть я рекомендую прочитать – не всем, конечно, только части своей аудитории. Какой именно – скажу позже.

Не оказался в томике этих полусотни страниц, извинились бы перед Олегом, да и не стал бы время тратить на подготовку предлагаемого вниманию читателей отклика. Нет-нет, не потому, что тексты плохие – ни в коем случае. Просто они не мои – не сомневаюсь, что каждый книголюб согласится, что книги можно подразделить по такому эфемерному признаку. Я благодарен Олегу за эту книгу. Я благодарен Илье за это одно произведение, которое легко мне на душу.

Итак, как читатель этих строк уже понял, “Тьма кромешная” – это сборник. Здесь восемь произведений купюрнее и девять помельче.

Открывается книга повестью, давшей название всему сборнику, и рассказывающей о временах Ивана Грозного. К сожалению, не ослил я эту повесть – по ряду причин. Посмотрел в оглавлении, и перепрыгнул сразу к следующему произведению. А там – мистика... Тролли... Оборотни... Эпиклетика стародавних мифов и современного фэнтези...

В общем, остановлюсь только на тех работах, которые прочитал.

Например, понравилась мне статья “Святая инквизиция в борьбе за чистоту помыслов”. Рецензия на “Молот ведьм”.

В общем-то, деятельность инквизиции в Средневековой Европе – тема благодатная для романистов и кинематографа. Однако ж, об этой организации все слышали, да освещены не многие. Я читал о деятельности инквизиции как в великом романе Умберто Эко “Имя розы”, так и в других произведениях – у Мориса Дрюона, например, или у Фёдора Достоевского того же. Есть у меня в личной библиотеке и фундаментальное издание Майкла Бейджента и Ричарда Ли с несколькими названиями на обложке, и я просто перечислю их все: “Центные псы церкви. Инквизиция на службе Ватикана. Хранители веры или палачи прогресса?”; уж не знаю, авторы ли, переводчик ли повинны, но я ожидал от этой книги большего, хотя проштудировал досконально.

Так что интересовался я вопросом, потому и данная публикация привлекла внимание.

Тем более, что Илья Горячев поставил перед собой целью хоть немного развеевть ту-

ман вокруг самой инквизиции и книги “Молот ведьм”, которую он сравнил с уголовно-процессуальным кодексом этой организации.

Очень интересен посыл автора, что именно под знаменем борьбы с религиозными ересями Париж и Ватикан в

союз уничтожили самобытную культуру южной Франции, подчинив регион свой власти.

Насколько ж часто в истории встречаются подобные факты!.. Чтобы покорить народы – что физически, что духовно, – требу-

Николай СТАРОДОМОВ

ется лишить их исторической памяти. Этот процесс мы наблюдали на всём протяжении истории по всему миру, этот процесс продолжается и поныне. Быть может, только методы стали иными, но цель та же: люди, лишившиеся гордости за деяния предков, перестают быть единым народом. Кто сегодня пишет учебники истории, тот и формирует будущее нации.

Ну и ещё хочется добавить, коль уж речь зашла – об историческом эпизоде, как происходило становление одного из южных городов Франции, который называется Ним: думаю, что это кому-то покажется интересным.

...В общем, не стану пересказывать статью-рецензию. Рецензировать рецензию – это как-то чересчур. Скажу только, что она по-настоящему интересна, особенно для людей, которые интересуются вопросом.

Ещё в сборнике заинтересовал рассказ “Познание голоса и без звона колокольников”. Здесь также заложены очень интересные мысли и идеи. Например, о том, что в России второй половины XIX столетия прогрессивными считались идеи, направленные на разрушение государства, то есть деструктивные учения... Удивительно, но и по сей день мы превозносим того же, скажем, Николая Чернышевского как человека, принёсшего свет истины в общественную жизнь России XIX столетия, хотя реально именно он и иже с ним породили 1917 год.

В общем, в рассказе есть над чем подумать. Однако мне данная работа понравилась в первую очередь другим.

Я всегда по-доброму завидовал людям лёгким на подъём, которые при возникновении надобности могут встать из-за стола и отправиться на переключении на другую сторону земного шарика. Конечно, при необходимости и я на такое способен, и случалось подобное неоднократно, однако ж предпочитаю отправляться в путешествие заранее продуманное и по предвзято взятым билетам.

Не люблю внезапно возникающих задач.

А здесь главный герой буквально живёт и работает на лету, легко принимая решения и столь же запросто внося в них коррективы. Он в буквальный смысле выражения формирует свою жизнь, а не приспосабливается к изменяющимся обстоятельствам.

Он вклинивает важные встречи между международными рейсами самолётов разных компаний, рассчитывая их буквально по минутам; для того, чтобы получить нужные документы, торопливо допечатывает статью, отправляет её по почте в другую страну, вызывает такси и на один сутки отправляется на другой континент; а потом, чтобы выполнить обещание, данное любимой, на выходные отправляется в путешествие, возвращающееся через третье государство, по пути заезжая ещё по делам в крохотный горный городок...

В общем, герой повести – по мобильности человек, каким я бы хотел стать, да не дано. При этом он ещё и талантлив, эрудирован, обладает множеством знакомств в разных странах, хорошо владеет несколькими языками, прекрасно общается с помощью гаджетов со всем светом, да ещё и всегда при деньгах, ибо за публикацию ему ведае платят... Не говоря уже о том, что любящим женщиной, которая его принимает именно таким, как он есть...

Ну как не позавидовать?..

Финал данного рассказа – никакой; он словно оборван. И идея произведения как-то не цепляет... Однако герой – запоминается.

Ну а теперь – о той самой повести, ради которой и стоило непременно прочитать всю книгу. Это произведение называется “Волонтер”.

Как уже говорилось в предыдущем разделе предлагаемых записок, по моему мнению, это лучшее произведение сборника.

И даже не потому, что тут речь идёт о вещах более близких мне, чем иностранные тролли, – о вооружённом конфликте Украины и Донбасса. Оговорюсь сразу: я оперирую просто географическими названиями территорий, не посягая на чью-то целостность или право на самоопределение.

На мой взгляд, именно в данной повести глубже всего прописана психология действующих лиц.

Хочется выделить две идеи, которые лично мне представляются центральными в повести. Точнее, поделиться мыслями, которые взвились во мне по мере прочтения повести.

Первая. Мы привыкли к кино. Оно настолько прочно вошло в нашу жизнь, что мы воспринимаем увиденное на экране как часть нашей повседневности. Более того, зная заранее жанр картины, мы легко предугадываем последующие события – пусть не всегда в частностях, но в целом концепцию.

Скажем, герой поздним вечером ступает на тёмную аллею... Что с ним произойдёт дальше, просчитывается легко: если это детектив, то на героя нападут или он увидит нечто, что послужит отправной точкой для раскрытия криминального сюжета; если это мело-

драма, появится девушка; если мистика, то из кустов выберется какая-то жуткая хрень... Ну и так далее.

Но самое при этом главное – мы изначально принимаем за данность факт, что с главным героем если и может произойти нечто плохое, то не слишком, уж во всяком случае, не угрожающее жизни. Мы чётко знаем, что до конца фильма (а ещё лучше сериала) ещё далеко, так что какие бы неприятности ни приключались на экране, а кардинально плохого с ним ничего не произойдёт.

Мы привыкли, что герой, оказавшийся в плену, приняв кровью в морду врага; сквозь разбитые губы отпускает остроумные шуточки; с заломленными за спину руками гордо скидывает подбородок... И мы, искренне сопереживая ему, параллельно прихлебывая чаёк (ну, или ещё чего – неважно), знаем, что вот-вот ворвётся спецназ, что в последний миг у направленного в сердце героя ствола случится осечка, что какой-то морально прозревший бандит уже решил на бунт против гварыя-головореза, или же любовница всё того же головореза решила сдать его ради избитого, но не уронившего честь героя...

Он, положительный герой, даже на расстрел идёт гордо, потому что актёр знает, что на него устремлены тысячи глаз, что имея его положительного персонажа останется жить в веках, товарищи за него отомстят, а любимая до конца дней своих станет омывать слезами его портрет. Однако если это и случается, то уже на заключительных минутах фильма!..

Но жизнь – не кино! Мы умом это прекрасно понимаем, однако по жизни шагаем, ориентируясь на киношные штампы. Стать героем на глазах у товарищей – на это способны многие. Сохранить гордость в глухом подвале, когда ты в полной власти палача-изверга, когда вера в спасение уже улетучилась, – вот это куда труднее. Когда звяк ключа в замке вызывает ужас от предстоящей боли...

Вот об этом и пишет автор.

Конечно, читая книгу, мы прекрасно понимаем, что героя так спасут – всё же закон жанра, как ни суди. Однако до этого он уже успел нахлебаться всего: и избияения, и упадка духа, и отчаяния, и сомнений... Он не был, подобно нам, созерцателем ситуации – он находился внутри её! Его били – мы только читали об этом.

Каждый раз, когда в камеру входили его истязатели, он не знал, доживёт ли до момента, когда за ними, насытившимися его болью, захлопнется дверь. Мы, читатели, могли ориентироваться, сколько страниц повести ещё впереди, – он, центральный персонаж повести, этого не знал. Для него любой последующий удар мог поставить точку в жизни.

Мы привыкли, что на экране с положительным героем беседует интеллектуальный злодей, который сдерживает кровожадность тупорылых недоумков-подручных... Здесь такой тоже появляется, однако ближе к концу повести, когда герой уже пережил готовность к смерти. Даже не просто смерти – ему пригрозили забрать на донорские органы...

До какого-то момента герой и в самом деле ждал спасения – примерно такого, как в кино. С течением времени, по мере того, как истязатели били, били и били его, – вера в спасение в нём истончалась, забилась в самые потаённые уголки души, и не попискивала даже там.

Герой стыдился своего поведения перед истязателями, однако ничего не мог с собой поделать. Плен и истязания в плену – это выдержать может не каждый. Гордо вскинуть голову перед палачом – это плакатно и идеологически красиво, но в жизни на такое способен, опять же, далеко не каждый.

Процесс подавления личности с одной стороны, и стремление этому сопротивляться с другой – вот о чём повесть.

Впрочем, эту тему поднимали многие авторы, и я читал о таком не раз. Можно вспомнить и Льва Толстого, и Фёдора Достоевского, и Александра Дюма, и Виктора Гюго... Нет-нет, это ни на йоту не умаляет достоинство “Волонтера”!.. Илья Горячев описал чувства героя очень живо, продирающе до мурашек...

И всё же на первое место в достоинствах повести я бы поставил иное. А именно – столкновение непримиримых точек зрения вокруг украинско-донбасского конфликта.

Мне довелось общаться с несколькими людьми, которые прошли “зону конфликта”. Что с одной стороны, что с другой: что с “ватниками”, что с “укропами”. Довелось мне пообщаться и с людьми, которые в районе вооружённого противостояния не побывали, однако мнение у которых к конфликту сложилось вполне жёстко-определённое.

У меня лично цельного мнения по этому вопросу не имеется. Меня раздражают противоречия. Наверное, именно потому я понимаю и принимаю точки зрения всех героев повести. Конечно, мне претит психологию людей (людей?), которые пытаются и избивают пленных или заключённых. Однако в данной ситуации я хотя бы умом (не душой) понимаю, что эти-ми изуверами движет!

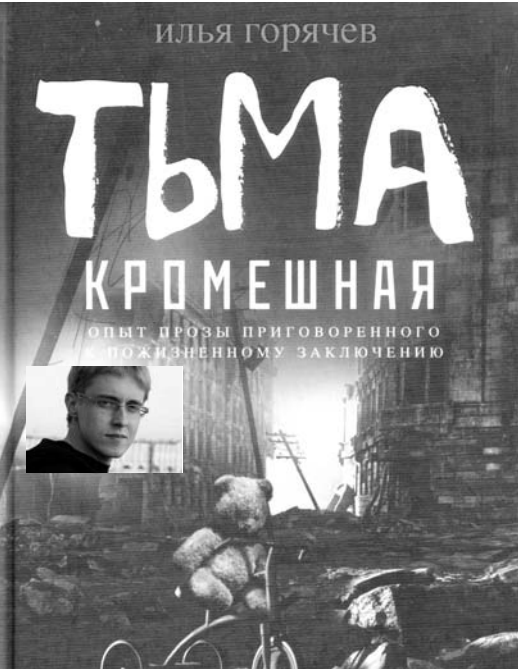
У каждого – своя правда

Впрочем, предварительно следует предельно кратко изложить сюжет повести “Волонтер”.

Наш герой воюет в составе добровольческого воинского формирования Вооружённых сил ДНР. Мы почти ничего не знаем о его прошлом, только по некоторым намёкам можем понять, что ему уже доводилось пройти, по меньшей мере, одну войну, на Балканах. В конфликте в Донбассе он видит результат давления на Россию со стороны США, и едет туда не за “длинным рублём”, которого там в реальности и не зарабатывает, а искренне, из самых патриотических, панславянских побуждений.

В плену оказывается в бессознательном состоянии, будучи оглушённым взрывом. Здесь его бьют и психологически подавляют, подавляя и бьют... Изю дня в день, из месяца в месяц...

Ну а потом его передают в официальную

Службу безопасности Украины. Где за него берётся тот самый “вежливый” следователь, о котором уже вскользь упоминалось. И там появляется немного сочувствующая узнику девушка-врач... И охранные – нормальные люди, выполняющие свой служебный долг, а не изуверы из “именного” батальона...

Так вот, у каждого без единого исключения персонажа повести “Волонтер” – своя правда! И эту правду понимаем и принимаем. В этом – несомненное достоинство произведения.

...Знаете, друзья мои, в чём, на мой взгляд, самая центральная и самая поганая сердцевина современного Донбасского военно-политического узла? В том, что он ни для одного гражданина Украины не оставил возможности остаться на позиции нейтралитета, он каждого заставил определиться с отношением к конфликту.

Для нас, граждан России, для любого другого гражданина любой страны возможность сказать по этому поводу “мне – всё равно!” остаётся. Для всех, кроме обладателей паспорта с синей обложкой и золотистым трезубцом. Для каждого из граждан независимой Донбасской вопрос является лакумозной бумажкой их лояльности Украинскому государству.

В этой связи даже не имеет принципиального значения, присутствуют ли в зоне конфликта российские войска. Ответ я знаю вполне определённо, однако не этот факт сейчас главный. Главное в том, что Донбасс и в самом деле стал катализатором разлома отношений между Россией и Украиной.

Тот самый “вежливый” следователь СБУ из повести “Волонтер” до начала Донбасского конфликта, в принципе, мог вполне лояльно, быть может даже с симпатией, относиться к России. Когда же в “зоне АТО” началась война, выбора у него не осталось. Равно как у любого другого сотрудника “силовых” структур государства по имени Украина. Потому что от его Родины отрезался кусок территории; как

государственник, он принять этого не мог.

Как, каким образом теперь разрешить Донбасскую проблему?.. Нет ответа. Ни одна из трёх сторон – участник конфликта не может пойти на попятную, не потеряв своего лица.

Любой человек, имеющий отношение к проблеме, абсолютно любое решение по нему расценивает по двузначной шкале: победа или поражение. В ситуации нет компромисса!

Вогнать в такой тупик два самых братских народа Восточной Европы!.. Браво тебе, тот некто, кто действует против нас в пресловутой Большой игре!.. Проклятие на тебя, сво-лочь!..

...Повесть оканчивается хэппи-эндом. Героя отпускают, его встречает любимая... Вроде как победа... Но только победа чья?.. Победа-то получается как раз умицы “вежливого” следователя. Потому что герой, в начале книги показанный как искренний боец ДНР, больше никогда не поднимет оружия против Украины. Нет, он не сломен, он остался при своей личности и таланте. Но он внутренне, духовно уже переродился, он увидел в своих вчерашних врагах живых людей – носителей и выразителей своей правды! Помните, что спасло Пьера Безухова в момент, когда французский маршал уже готов был подписать смертный приговор?.. То же самое: арестованный в какой-то момент перестал для выносящего приговор оставаться безликой абстракцией – он стал реальным человеком со своим внутренним миром.

Если смотришь на человека в прорезь автоматного прицела с расстояния в сотню или более метров, фигурка мало чем отличается от ростовой фанерной мишени №8. Что по той, что по этой стрелять просто, как на стрельбище – ничто в душе особо не дрогнет. А вот попырбуй нажать спусковой крючок, когда видишь глаза живого человека!.. Вот на это уже способен не каждый. У жертвы перед казнью завязывают глаза. Делается это в первую очередь ради спокойствия палачей – чтобы взгляд убиваемого не обжёг его душу последним разрядом ненависти... Герой повести увидел глаза людей, против которых воевал. Впредь стрелять в них он не сможет.

Более того, будучи талантливым публицистом и блогером, он начнёт обращать в свои убеждения и других граждан России. В этом победа СБУ, причём, похлестке иной проведённой спецоперации – заполучить искренне-го, не за мзду, агента влияния, имеющего авторитет в определённых кругах интернета!

И парадокс в том, что мы, Россия, на подобные успехи рассчитывать не можем! Как ни крути, а линия фронта (и военного, и идеологического) проходит по территориям, которая с точки зрения международного права, с точки зрения существующих уже сто лет границ, относится к Украине. Умом каждый человек может судить по-разному: в конце концов, референдум имел место, и его результаты говорят сами за себя. Но ум и душа далеко не всегда живут в ладу между собой. Умом-то итоги референдума признать можно – душой факт отрицания от твоей Родины куска территории обязывать признать не желает.

И я понимаю его – этого украинского обывателя! Сегодня ему всё равно, с чего всё началось, что именно он же сам, прыжками доказывая на Майдане, что не москаль, спровоцировал эту войну; что первые выстрелы Донбасской войны раздались в центре Киева; что на Юго-Восток Украины перекинулось пламя горящих покрышек из её столицы... Это всё правда, однако понимание этой правды уже загнулось на задний план. Сегодня главное для обывателя Украины – Россия поддерживает донбассовцев-сепаратистов, которые пытаются оттяпать у ныньки солидный кусок территории и индустриального потенциала!

Кто легко смирился с таким положением?.. Покажите мне в истории пример, когда государство свободно отпустило возмуждавшую самостоятельность территории?.. То-то же!

В моей памяти прочно засела виденная в Чечне картина. На боевой машине федеральных войск красовалась надпись: “Родина, ты неправ! Но ты – Родина!”. Те же слова могут сегодня принять к сердцу многие граждане Украины – имею в виду из числа тех, кто не поддерживал ни Майдана, ни майданный приход к власти Порошенко и его компании.

Резюме: любой искренний патриот любого государства не может поддерживать сепаратизм одного из регионов. Ну а потом, нельзя списывать и элементарные законы войны.

Возможно, на фронте и кричали “За Родину! За Сталина!” – мне от фронтовиков доводилось слышать разные версии по этому поводу. Но, что бы кто ни кричал, а шли в атаку не за Сталина, а за убитого вчера друга.

Месь – вот реальный движущий стимул в бою. Не единственный, конечно, но один из главнейших.

По мере того, как со стороны граждан Украины будут расти потери, будет множиться и число истинных и активных врагов независимого Донбасса.

Вот мысли, которые у меня вызревали давно, и которые, наложившись на прочитанное в повести “Волонтер”, сформировались в предлагаемую читателям публикацию.

Право, прочитайте эту повесть! Запомните: